
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 332.1

ББК 65.04

DOI 10.22394/1682-2358-2018-2-4-10

М.А. Колмыкова, *Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Public Administration Department, Orenburg State University*

Н.И. Селиверстова, *Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Public Administration Department, Orenburg State University*

AN INNOVATIVE APPROACH IN THE SOCIAL AND ECONOMICS INEQUALITIES REGIONAL MANAGEMENT

The regional social and economics inequalities are analyzed. The authors suppose that the presentation of the current inequalities as growing-points and their regulation does not mean countering or equalizing them, but using their potential.

Key words and word-combinations: social inequalities, economics inequalities, regions, innovations, the innovative approach in management, regional differentiation, growing-points.

М.А. Колмыкова, *кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета*
(email: mari_kol@mail.ru)

Н.И. Селиверстова, *кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета*
(email: dina-voda@mail.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ДИСПРОПОРЦИЯМИ РЕГИОНОВ*

Аннотация. Анализируются социально-экономические диспропорции регионов. Авторы полагают, что имеющиеся диспропорции в качестве «точек роста» и управление ими означает использование их потенциала.

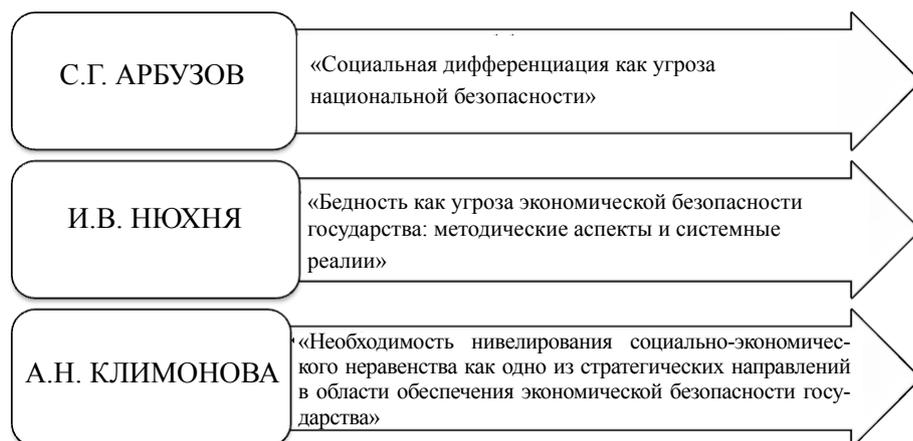
Ключевые слова и словосочетания: социальные диспропорции, экономические диспропорции, регионы, инновации, инновационный подход в управлении, региональная дифференциация, точки роста.

Диспропорции с точки зрения управления территориальными сообществами при

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00469.

влекают внимание различных теоретиков и практиков научных сообществ, так как становятся потенциальными конфликтами, способными привести к изменениям системного или структурного характера. Если говорится о социальных изменениях, удовлетворяющих потребности человека и общества, речь идет об инновациях. Необходимость в инновационном управлении обусловлена потребностью в новых идеях, подходах к управлению социальными системами. Именно сегодня, когда актуальным является вопрос «сглаживания» социально-экономических диспропорций регионов, необходим новый подход к управлению этим процессом.

С позиции управления социально-экономическими процессами именно диспропорции становятся центром притяжения внимания исследователей, что иллюстрирует рисунок.

Современное восприятие социальных проблем с экономической точки зрения [1–3]

Социологический подход в изучении неравномерности развития территорий наблюдается в отношении организации взаимодействия между центром и регионами, в ходе которого у них появляются / снижаются возможности благоприятного социального пространства [4]. Отметим, что в данном контексте подключаются различные инструменты государственного управления как правового, так и экономического плана. В настоящее время наблюдается поиск новых моделей этого взаимодействия как способа преодоления сверхцентрализации [5].

Под диспропорциями, на наш взгляд, следует понимать дивергентность, неоднородность, неравномерность, неодинаковые характеристики процесса или явления, которые сами по себе могут рассматриваться в разных аспектах, иметь различные последствия. Отметим, что дивергентность социально-экономических систем привлекает внимание различных социальных групп и общностей с точки зрения возможностей ее использования для преобразования социальной реальности.

Известный британский социолог Э. Гидденс в конце XX в. в своих научных работах упоминал о процессах внутренней регионализации даже самых не-

противоречивых из современных государств. Он считал, что особое внимание необходимо уделить взаимосвязи этого процесса с теми формами социальной организации и социальных связей, которые выходят за национально-государственные рамки [6, с. 67].

Для современного российского общества этот вопрос является наиболее актуальным, поскольку наше государство представляет собой социально-экономический феномен, так как ни одна страна не обладает подобными территориальной дифференциацией и противоречивыми взаимосвязями регионального порядка. Россия отличается существенной региональной дифференциацией: территория расположена в различных часовых поясах, практически во всех природно-климатических зонах, с самым разнообразным набором природно-сырьевых ресурсов и их освоенности, поселенческие структуры различаются по уровню социальной освоенности и по элементарным показателям плотности населения. Дифференциация России усилилась в процессе так называемой второй управленческой революции, которая произошла в 1991 г. После распада СССР произошло резкое крушение межрегиональных социально-экономических связей, а это послужило причиной углубления диспропорций в положении российских регионов.

Безусловно, в последнее время уделяется огромное внимание укреплению государственных структур в регионах и обращения к наиболее острым региональным проблемам. Это позволило приостановить процесс дезинтеграции отдельных регионов постсоветского периода. Однако, о решении вопросов социально-экономической отсталости, повышении инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности отдельных регионов говорить не приходится. Ситуация социально-экономических диспропорций в развитии регионов для России является некоторой объективно существующей реальностью, с которой бороться представляется невозможным. Так ли это? Этот вопрос требует подробнейшего анализа.

С точки зрения государственного управления эта проблема означает нарушение норм и правил, становится исключением из общего процесса регулирования. Для большинства современных государств диспропорции — препятствие к планомерному и контролируемому процессу управления обществом. Чаще всего они связаны с территориальной неоднородностью, которая сочетается с иными параметрами антропогенного воздействия. В трудах современных исследователей, например Е.С. Губановой и В.С. Клещ, неравномерность территориального развития изучается как следствие воздействия объективных и субъективных факторов, причем делается акцент на равнозначности понятий «неравномерность» и «дифференциация» территориального развития в отношении исследования региональных систем и других территориальных образований [7].

Экономические диспропорции с этимологической точки зрения предполагают нарушение пропорций, сбои в экономических процессах, которые приводят к их изменению, сопровождаются различными издержками, могут иметь различные по масштабу последствия для экономических агентов. Примером экономических диспропорций являются расхождения в структурах потребления и производства, ведущие к пересмотру стратегий поведения экономических агентов, в том числе к появлению новых экономических институтов. Например, по данным РБК, экономический кризис 2010-х годов привел к изменениям в про-

изводительности труда большинства российских отраслей, которые, стремясь сократить издержки, меняли стратегию поведения в отношении найма рабочей силы. Так, существенно изменилась ситуация в сельском хозяйстве, по мнению директора Института экономики роста им. П.А. Столыпина, А.О. Алехнович: «Стабильная государственная программа по поддержке отрасли, налоговые стимулы и субсидирование кредитов позволили модернизировать производство, в результате чего растущее число ВПРМ (высокопроизводительных рабочих мест) привело к вытеснению части рабочих мест» [8]. Тем не менее экономические диспропорции рассматриваются как неизбежный элемент функционирования рыночной экономики, например фрикционная безработица.

Экономические диспропорции детерминируют отношения собственности, имеющиеся и потенциальные запасы ресурсов, а также совокупность факторов производства. Речь идет не только об объективных факторах, влияющих на появление этой неоднородности, но и об управлении этими факторами, то есть наличии субъективности участников экономических процессов. Диспропорции могут возникнуть и в связи с экономическими циклами, концепция которых используется современными исследователями для объяснения многих социально-экономических процессов. Например, при описании закономерностей инновационного развития А.М. Носоновым использована параллель с волнами Кондратьева и выводами Й. Шумпетера о длинноволновых колебаниях как формах проявления экономической динамики [9, с. 4].

Экономические диспропорции имеют наибольшие отрицательные последствия для социальных показателей, влияют на уровень жизни населения, что обусловлено их взаимосвязью. В подтверждение этого наблюдается обратная зависимость между уровнем цен и уровнем потребления, уровнем инфляции и реальными доходами населения. Именно поэтому воздействие экономических спадов призвана компенсировать политика государства.

Обратим внимание на природу социальных диспропорций, которые производны и от экономических. Как правило, подобное сочетание (социальные диспропорции) не встречается в социологических исследованиях и словарях, но, по нашему мнению, в данном контексте уместно понятие «социальное неравенство». Оно порождается различными причинами, в том числе неравенством доступа к социальным и экономическим благам, характерном для жизнедеятельности большинства современных социально-территориальных сообществ. Социальное неравенство не несет в себе изначально негативного содержания, так как опосредовано в том числе и естественными причинами (физиологическими, психическими). Но в условиях конкретного социального сообщества, государства может усугубляться системой управления, которая нормативно оформляет это состояние на уровне функционирования организаций, учреждений, территориальных единиц.

П. Сорокин, М. Вебер в качестве причин социального неравенства называли богатство (собственность) и власть, то есть экономический и управленческий факторы, соединение которых, наблюдаемое в ряде социальных сообществ сегодня, приводит к углублению этого состояния.

Власть с позиции доступа к социально-экономическим благам структурирует социальное взаимодействие и предоставляет разные возможности для жизнедеятельности участников властных отношений, то есть дифференцирует

социальные сообщества. Несмотря на декларирование в нормативно-правовых документах равенства перед законом, социальный статус, ранг и место в иерархии властных отношений предполагают различные формы неравенства.

Собственность как социально-экономический институт в России при общем положительном восприятии не всегда становится фактором улучшения социального статуса в связи с неравенством в ее распределении, что подчеркивают С.С. Черных и Я.Ю. Искендерова. Ими отмечено, что в сознании россиян собственность воспринимается чаще всего в связке с властью, что усиливает негативное отношение населения к представителям власти и бизнеса [10].

Процесс нарастания социальных различий в обществе, которые усложняют повседневное социальное взаимодействие, Г. Спенсер назвал «социальной дифференциацией». Основу этого процесса составляют возникновение новых институтов, организаций, помогающих людям совместно решать определенные задачи, которые резко усложняют систему социальных ожиданий, ролевых взаимодействий и функциональных зависимостей. Кроме того, усложнение культур, появление новых ценностных ориентаций, развитие субкультур ведет к возникновению в рамках одного общества социальных групп, которые придерживаются различным религиозных и идеологических взглядов и т.д. Более того, несмотря на отказ от использования «социальных классов», социальное расслоение наблюдается в современном мире, но в более «расширенном» виде, то есть возникают различные сочетания оснований для описания этого явления.

Вопросы социально-профессиональной дифференциации изучают, например, в рамках сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН. Так, А.Г. Свенссон, к примеру, отмечает, что «профессии являются важным механизмом специализации и дифференциации. Они разрушают прежние классы и классовые границы и формируют новые группы или слои...» [11, с. 165].

Другие исследователи рассматривают неравенство доступа к определенным социальным услугам — здравоохранения, образования, культуры, доступ к которым сегодня считается коммерциализированным [12]. В данном контексте уровень потребления социальных благ и развитие социальной инфраструктуры напрямую связаны с экономическими возможностями потребителей социальных услуг в большей степени, чем с деятельностью органов власти соответствующих территорий. В связи с этим, помимо формируемых для подобных социальных учреждений муниципальных заданий, каждое из них ориентировано на оказание разнообразных платных услуг.

Следовательно, социальная дифференциация и возникающая депривация между представителями различных социальных групп — результат функционирования различных социальных институтов, который привлекает внимание различных социальных субъектов. Так, ВЦИОМ в режиме мониторинга изучает проблемы социальной структуры общества и сопутствующих ей элементов. Например, их исследование 2016 г. показало, что «социальные противоречия в российском обществе особенно сильно ощущаются между группами богатых и бедных, владельцев бизнеса и наемными работниками, руководителями и служащими [13].

С позиции структурно-функционального и конфликтологического подходов, исследующих социальное неравенство, оно производно от процессов общественного развития: функционирования экономики и дальнейшего разделения труда, распределения ресурсов. Имманентно присущим обществу его считают и большинство современных исследователей. Разделение труда является базовым принципом в управлении различными сферами жизнедеятельности и способствует росту квалификации, качества и эффективности. Более того, управленческий процесс неотделим от дифференциации статусов, функций, задач, ресурсов в структурном ключе.

В противовес классическому представлению о том, что неравенство побуждает к достижениям, действиям по изменению социального статуса, ученые австралийского Университета Дикина, изучив динамику развития двадцати стран, сделали вывод о том, что социальное неравенство граждан страны плохо сказывается на ее экономическом развитии. Основная причина социального неравенства, по их мнению, заключается в низком уровне покупательной способности большей части населения, которая не способствует увеличению рынка.

Отметим, что покупательская способность и структура потребления различных благ и услуг формируют реальную картину социально-экономической дифференциации, возникшую в результате сочетания факторов различной природы (политических, правовых, экономических, культурных). Социальная дифференциация, так называемая патология неравенства, в условиях углубления социально-экономических диспропорций возрастает, что ведет к развитию криминальных элементов [12]. В условиях возрастания давления со стороны международного сообщества в контексте продления экономических антироссийских санкций и отношения к российским олимпийцам, естественным поведением для россиян является конвергенция. Этому противостоят противоречия во внутренних территориальных системах, функционирующих в рамках регионального развития, преимущественно связанных с асимметричной государственной политикой и порождаемой ею диспропорциями. Итак, диспропорции под воздействием эндо- и экзогенных факторов создают дополнительные условия для дивергенции как стратегии поведения территориальных сообществ в России.

Вместе с тем полагаем, что диспропорции неверно рассматривать исключительно в негативном ключе, так как их последствия могут иметь прогрессивный характер для территориального сообщества, способствовать обновлению социально-экономических отношений и других проявлений жизнедеятельности.

Итак, социально-экономические диспропорции являются атрибутом функционирования государства и определяют дивергентность территории, ее отличия от территориальных образований одного уровня управления; они сочетают в себе проблемы и потенциал для обеспечения приемлемого уровня жизни социально-территориальных общностей. Управление социально-экономическими диспропорциями осуществляется преимущественно в рамках регионального управления, которое несет в себе противоречивые тенденции в отношении конвергенции усилий территориальных образований, с одной стороны, и дивергенции развития ряда территорий — с другой.

Отметим, что управление диспропорциями — одна из задач региональной политики большинства современных государств, которая часто формулируется как

«сглаживание диспропорций». Несмотря на такую постановку вопроса, на наш взгляд, это все же политическая задача, а не социально-экономическая реальность.

Реалии социально-экономического развития состоят в выявлении в развитии территорий так называемых «точек роста» и их использовании для целей этого развития. Отметим, что большинство исследователей не видят противоречий в развитии «точек роста» и сглаживании диспропорций, так как считают, что эти «точки» должны находиться именно в депрессивных регионах [14, с. 41]. Представляется, что менее затратно использовать объективно существующие особенности развития регионов, тот потенциал различных социально-территориальных сообществ, который хорошо себя зарекомендовал. В этом и будет заключаться инновационность в управлении социально-экономическими диспропорциями регионов, а именно: рассмотрение имеющихся диспропорций в качестве «точек роста», и управлять ими, на наш взгляд, не означает вести борьбу, «сглаживать», а скорее использовать их потенциал.

Библиографический список

1. Арбузов С.Г. Социальная дифференциация общества как угроза экономической безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 75–77.
2. Нюхня И.В. Бедность как угроза экономической безопасности государства: методические аспекты и системные реалии // Социально-экономические процессы и явления. 2015. № 10. С. 98–104.
3. Климонова А.Н. Необходимость нивелирования социально-экономического неравенства как одно из стратегических направлений в области обеспечения экономической безопасности государства // Социально-экономические процессы и явления. 2015. № 9. С. 74–80.
4. Евстафьев Д. Федеральный центр и региональные элиты: от сосуществования к взаимодействию. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/aprel/14/federalnyj_centr_i_regionalnye_elity_ot_sosuwest
5. Лысенко Г.В. Территориальные аспекты структурирования социального пространства // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 253–262.
6. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. 1993. Зима. Вып. 1, т. 1. С. 57–82.
7. Губанова Е.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1. С. 58–75.
8. Исследование РБК: как отрасли экономики приспособились к кризису. Официальный сайт информационного агентства РБК. URL: <https://www.rbc.ru/research/economics/07/08/2017/5981a5199a794748b3ffc7e1>
9. Носонов А.М. Теория диффузии инноваций и инновационное развитие регионов России // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 3–16.
10. Черных С.С. Социальные аспекты институциональной трансформации «власти-обственности» в постсоветской России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 22–25.
11. Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей / кол. авт.; под ред. В.А. Мансурова. М., 2013.
12. Ремизов М. Патология неравенства / Официальный сайт «Эксперт». URL: <http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/>
13. Рабочие, учителя, военные, или рейтинг доверия профессиональным группам / Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/most-serious-problems/article/vmeste-ili-porozn-socialnye-protivorechija-v-sovreme.html>
14. Ванюшкин А.С. Методологические подходы к оценке перспективности точек роста региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2015. № 1. С. 40–47.